Юность Бориса Пастернака

Юрий Михайлович Агеев

SHOUT
SHARE
IT

- Юрий Агеев

Юрий Агеев
ЮнОСТЬ БОРИСА ПАСТЕРНАКА

«Так начинают жить стихом…»

Б. Пастернак

1.

Борис Пастернак родился 10 февраля по новому стилю, в 12 часов ночи 1890 года. Водолей по гороскопу, он должен был прожить в основном спокойную жизнь, выжить в лихолетиях и передрягах, ровно, без вспышек, почти незаметно. Так бы оно и случилось, если бы не творчество! Жажда оставить в мире знак своего существования, игру красок или нот, движение резца, строй рифм или тома «Человеческой комедии»! Ради этой жажды открывались земли, создавались и разрушались империи, а новые люди Земли, стирая прежние имена, приписывали себе заслуги прошлого. но творчество оказалось более вечным, чем людские страсти, и уцелело до нашего времени.

Родители Бориса Пастернака — Леонид Осипович Пастернак, выдающийся российский художник и Розалия Исидоровна Кауфман — профессор Императорского русского музыкального общества, воспитали мальчика в одухотворённом, пронизанном мыслью и гармонией кругу.

Не в каждую детскую душу входят с младенчества звуки музыки Чайковского, Скрябина, Шопена, Дебюсси. Мать привила любовь к музыке Борису навсегда. До конца это будет отдаваться в восприятии мира, осознанное в зрелости и прорифмованное жизнью.

Особое место в детстве Пастернака занимает дружба Скрябина с их семьёй. Пастернак вспоминал: «Больше всего на свете я любил музыку, больше всех в ней — Скрябина. Музыкально лепетать я стал незадолго до первого с ним знакомства. К его возвращению я был учеником одного поныне здравствующего композитора (Р. М. Глиэра — Ю. А.). Мне оставалось ещё только пройти оркестровку. Говорили всякое, впрочем, важно лишь то, что если бы говорили и противное, всё равно жизни вне музыки я себе не представлял…».

Мощен и необычен был талант Александра Николаевича

Скрябина, за плечами которого таились фаустовские поиски в оккультных науках, в знании запредельного. Его музыка воздействовала скорее на подсознание, чем на внешнее восприятие, пробуждая глубинные пласты человеческого знания.

К тому времени у Пастернака было уже несколько своих небольших музыкальных пьес. Скрябин прослушал их с необычайным вниманием.

«Первую вещь, — вспоминает Пастернак, — я играл ещё с волнением, вторую — почти справясь с ним, третью — поддавшись напору нового и непредвиденного. Случайно взгляд мой упал на слушавшего. Следуя постепенности исполнения, он сперва поднял голову, потом — брови, наконец, весь расцветши, поднялся и сам и, сопровождая изменения мелодии неуловимыми изменениями улыбки, поплыл ко мне по её ритмической перспективе. Всё это ему нравилось. Я поспешил кончить. Он сразу пустился уверять меня, что о музыкальных способностях говорить нелепо, когда налицо несравненно большее, и мне в музыке дано сказать своё слово…».

Но «боренья с самим собой», юношеские поиски своего пути, часто переходящие в разбросанность, не дали возможности утвердиться в том, что именно этот путь правилен. В течении всей жизни музыка будет пробиваться сквозь ритм стиха, звучать «во льду», пытаясь напомнить о себе.

Стихи Пастернак начал писать к двадцати годам. Поздний возраст, если не учитывать азы поэзии — занятие музыкой и опыты в прозе, первые шаги к овладению гармонией и словом. Со временем слово обрело музыкальность, зазвучало неожиданно хорошо, ясно и мелодично.

Вспомним начальные строфы первых стихов Пастернака:

Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною чёрною горит…

(«Февраль», 1912)
Или:

Когда за лиры лабиринт
Поэты взор вперят —
налево развернётся Инд,
Правей пойдёт Евфрат…

(«Когда за лиры лабиринт…», 1913)

Жизнь вошла через поэта в стихотворный размер. Это было время перехода из относительной безмятежности к непредсказуемым путям.

Впрочем, пока в размеренном быте семьи Пастернаков (кроме Бориса в семье ещё трое младших: сестра Лида, брат Шура и самая младшая — Жозефина) можно представлять себе будущее и что-то планировать.

6 июня 1908 года Борис Пастернак оканчивает с золотой медалью Московскую пятую гимназию. 16 июня он подаёт прошение ректору Московского университета о принятии в число студентов, выбрав юридический факультет, куда и был зачислен 1-го августа. Однако юриспруденция не удовлетворяла Бориса, и 2-го мая 1909 года он подаёт прошение декану историко-филологического факультета о зачислении на второй курс с осеннего семестра. Искания не прекращаются.

В августе 1910-го года он пишет двоюродной сестре Ольге Фрейденберг: «Скоро начинается университет. Я запишусь на высшую математику. Скоро у меня экзамены. Один убийственно интересный! Основной курс чистой логики. Профессор уже знает меня с весны, я поступлю к нему в просеминарий по опытной психологии, но он меня предупредил, что, может быть, я разочаруюсь, т. к. слишком отвлечённо мыслю (это после экзамена по философии)».

Философия увлекает Пастернака всё больше. Он штудирует труды классиков и в короткое время добивается значительных успехов. От знакомых он узнаёт о Марбургском университете и берёт перевод на летний семестр в Марбург.

Беды захлёстывали волнами Россию. 1905-й год, за ним, с отрывом в девять лет, 1914-й год. но пока, 21-го апреля 1912-го года, молодой Пастернак выезжает в Германию поступать на философский факультет Марбургского университета.

2.

Марбург. В статье «Охранная грамота» Пастернак описывает свой приезд: «…С десятого шага я перестал понимать, где нахожусь. Я вспомнил, что связь с остальным миром забыл в вагоне и её теперь вместе с крюками, сетками и пепельницами назад не воротишь. над башенными часами праздно стояли облака. Место казалось им знакомым. но и они ничего не объясняли. Было видно, что, как сторожа этого гнезда, они никуда не отлучаются. Царила полуденная тишина…

…Улицы готическими карлицами лепились по крутизнам. Они располагались друг под другом и своими подвалами смотрели на чердаки соседних. Их теснины были заставлены чудесами коробчатого зодчества. Расширяющиеся кверху этажи лежали на выпущенных брёвнах и, почти соприкасаясь кровлями, протягивали друг другу руки над мостовой. на них не было тротуаров. не на всех можно было разойтись.

Как и тогда, при Ломоносове, рассыпавшись у ног всем сизым кишением шиферных крыш, город походил на голубиную стаю, завороженную на живом слёте к сменённой кормушке. Я трепетал, справляя двухсотлетие чужих шейных мышц. Придя в себя, я заметил, что декорация стала реальностью, и отправился разыскивать дешёвую гостиницу…». но оставшихся от поездки денег не хватило даже на дешёвый номер, и в этот же день он снял комнату на окраине.

Марбургские улицы помнят шаги русских студентов, посланных Петром Первым на обучение во славу Отечества, среди которых был и будущий гений Михаил Ломоносов. Здесь жили всемирно известные сказочники Карл и Якоб Гримм. Был проездом Джордано Бруно, здесь жил Лютер. И здесь преподавал известный философ-неокантианец Герман Коген. Грузный шестидесятидевятилетний профессор пользовался огромным авторитетом среди студенчества, на его лекции стремились попасть, но оставался всего один семестр до отставки, два-три месяца, которые Пастернак, жадно стараясь уловить каждую мелочь, впитывал без остатка.

Комната, снимаемая поэтом, находилась на третьем этаже дома, принадлежащего госпоже Орт, вдове ветеринара. За домом начинался лес, с маленького балкона виднелась соседняя деревня, от которой к протекавшей речке Лан шли на водопой стада.

Сельский быт стирал городские границы, но Пастернак не останавливал своё внимание на столь прозаических явлениях. Романтик, он видел окружающее через поэтическую призму. Вот характерный отрывок из письма родителям, датированного 11-м мая: «Если бы это был только город! А то это какая-то средневековая сказка. Если бы тут были профессора! А то иногда среди лекции приоткрывается грозовое готическое окно, напряжение сотни садов заполняет почерневший зал и оттуда с гор глядит вечная, великая Укоризна. Если бы тут были только профессора! А тут и Бог ещё».

Нет, спокойного обучения здесь ждать не приходилось. Лирик брал дело в свои руки и последствия не замедлили разразиться. Пастернак влюбился. Он сделал предложение. Избранница — Ида

Высоцкая, дочь крупного московского чаеторговца, подруга детства, немного помедлив, ответила отказом.

Я вздрагивал. Я загорался и гас.
Я трясся. Я сделал сейчас предложенье, —
но поздно, я сдрейфил, и вот мне — отказ.
Как жаль её слёз! Я святого блаженней.

Когда я упал пред тобой, охватив
Туман этот, лёд этот, эту поверхность
(Как ты хороша!) — этот вихрь духоты…
О чём ты? Опомнись! Пропало. Отвергнут.

нет, я не пойду туда завтра. Отказ —
Полнее прощанья. Всё ясно. Мы квиты.
Вокзальная сутолока не про нас.
Что будет со мною, стариные плиты?

(«Марбург», 1916)

Ольга Фрейденберг, бывшая рядом во Франкфурте, вспоминает встречу в это время: «…Вдруг дверь открывается, и по длинному ковру идёт ко мне чья-то растерянная фигура. Это Боря. У него почти падают штаны. Одет небрежно, бросается меня обнимать и целовать. Я разочарованно спешу с ним выйти. Мы проводим целый день на улице, а к вечеру я хочу есть, и он угощает меня в какой-то харчевне сосисками. Я уезжаю, он меня провожает на вокзале и без устали говорит, а я молчу, как закупоренная бутылка.

У него тогда происходила большая душевная драма: он только что объяснился Высоцкой в любви, но был отвергнут. Я ничего этого не знала, но и мне он как-то в этот раз не нравился. Я не только была безучастна, но внутренне чуждалась его и считала болтуном, растеряхой…».

Семестр завершён и Пастернак покидает Марбург. Год спустя он оканчивает Московский университет с выпускным свидетельством о получении диплома первой степени. Известие о дипломе кандидата философии, оформленного ему через год, поэт проигнорировал и документ остался в архиве.

Философия не ушла от Пастернака, она претворилась в его стихах, связав первоначальную свежесть восприятия мира с логикой гения. Воистину «закон звезды и формула цветка» были интуитивно схвачены поэтом и доверены бумаге.

3.

В Москву Пастернак вернулся с солидным поэтическим багажом. Брат ввёл его в литературное общество, состоящее, в основном, из начинающих. Пастернак оказался им не по силам. Неожиданность построения фраз, метафоры, усложнённый поэтический образ, свободное овладение размером на грани новаторства, разожгло у большинства чувство зависти. «Собратья по перу» стали насмехаться над «непонятными», «нерусскими» стихами, и это продолжалось относительно долго, пока кто-то из профессиональных литераторов не дал высокую оценку творческому поиску поэта. насмешки поутихли, в начале 1913-го года книгоиздательство «Лирика» выпустило коллективный сборник, в котором были и стихи Бориса Пастернака.

В «Охранной грамоте» Пастернак обошёл этот период, видимо, ощущая болезненность происходившего и не желая освещать сие в биографии.

И, наконец, в декабре 1913-го типографией П. Рябушинского был отпечатан поэтический сборник Пастернака — «Близнец в тучах».

Мнения в восприятии книги разделились от неумеренно восторженных, до совершенного неприятия. Ясно было одно: в литературу пришёл новый поэт.